

DOI: 10.33876/2782-5000/2023-8-4/5-18

НАСТОЯЩИЙ БИОЛОГ – С.В. ВАСИЛЬЕВ

С. Дзини,¹ Е.А. Просикова,¹ Н.В. Хохлов¹

¹ – Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН)

ОТ РЕДАКЦИИ

Юбилейный номер РЖФА, посвященный 80-летию отдела, мы открываем интервью Сергея Владимировича Васильева, главного редактора журнала и руководителя Центра физической антропологии ИЭА РАН. В своем откровенном рассказе доктор исторических и кандидат биологических наук поведает читателю о своем пути в антропологии и об истории отдела, немалая часть которой разворачивалась на его глазах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

физическая антропология, центр физической антропологии ИЭА РАН, С.В. Васильев, биофак МГУ

Почему была выбрана профессия «антрополог»

Моя интересная биография началась с детства. После школы попытался поступить в университет. Изначально я был биологом, таким настоящим, из детства. Поступал в Тверской (Калининский) университет. Там я получил троек по биологии (почти двойка). Меня все равно взяли, потому что там одни девчонки. И мне сказали: тебя возьмем заочно, потом переведешь на очное и будешь учиться.

Но учиться на заочном мне категорически не хотелось! Я забрал документы и сказал, что не буду поступать. Теперь вставал вопрос, что делать дальше. Долго раздумывать не пришлось, ведь в школе, которую я только что закончил, мне предложили стать пионервожатым. Мне сказали, что должность небольшая, денег будет немного... но аргумент «будешь с пионерами дружить» меня убедил. Я согласился. Проработал месяц и учителем стал.

4-й класс - 1974 г. Лихославль

Но учителем я был уже не в своей школе, а в сельской, там как раз преподавать биологию и химию некому было, а меня в райкоме комсомола уже знали, и мне эту должность предложили. Так что в 17 лет я стал учителем без образования в сельской школе.

9-й класс - Ансамбль «Россинка». 1979 г. Лихославль

И в 17 лет я ушел из дома родительского и так получилось, что ушел окончательно.

Мне дали небольшую сельскую квартирку, и я начал преподавать биологию, химию, труды, а иногда еще географию.

Вот и проработал до весны. Директор мне говорит, что пора образование получать, что есть возможность отучиться на педагога. Но я к тому моменту уже понял, что я не хочу быть педагогом, что в школе не останусь. Директор разозлился и сказал: тогда давай в армию.

Я согласился. Как сейчас помню: 13 апреля 1981 года я пошел в армию. И служил 2 года, а вернулся даже с некоторым запозданием – 30 июня. Однако вернувшись, сам до конца еще не определился, чем хочу заниматься в жизни. Мама меня спрашивала: что ты будешь делать? А я не знал, что ответить. Но и сидеть сложа руки – не в моих правилах. Поэтому, не теряя времени, я включился в трудовую деятельность и пошел на завод! Мне было 20 лет.

Так вот, после возвращения из армии, я еще в течение нескольких месяцев жил с мамой, пока ко мне в руки не попала книжка для поступления в МГУ на биофак. Я понял, что хочу учиться именно там, и начал активно готовиться к экзаменам. Наконец уволился с завода и поехал в Москву.

На рабфак тоже был конкурс: 5 человек на место. Был отбор. Привилегии отдавались коммунистам в начале 80-ых. Но я, хотя еще до

Дружина на Масленице. 1983 г. Москва

армии и успел поработать пионервожатым, больше к партийным вопросам отношения не имел. Но тогда мне повезло: девушка, которая курировала абитуриентов, была с кафедры ВНД и мне помогла с экзаменами. Первый экзамен у меня была биология, второй математика. По биологии я все знал по учебникам наизусть (все настолько сильно отложилось на подкорке за те несколько месяцев, что я проработал учителем). А с математикой у меня было хуже, но мир не без добрых людей! Девушка-куратор за меня решила экзаменационные задачи и в какой-то момент она мне говорит: ты прошел.

Хотя я подозреваю, что меня взяли в некоторой степени по блату: за то, что я служил в Афганистане.

Началась моя студенческая жизнь. Сначала год я отучился на рабфаке. Половина ребят отсаялась почти сразу: на первом курсе была очень сложная математика, и они оказались не готовы к такому вызову. А у меня, наоборот, мозг включился... Был 1983 год.

Получилось, что после первого семестра на первом курсе было распределение по кафедрам. Было два отделения. В первом отделение были биологи, биохимики, микробиологи, генетики (мы их в шутку называли «пробирочные люди»). Во втором отделение была зоология, ботаника, экология, насекомые (полевое отделение). Я не пробирочник и попытался на зоологию поступить, но не прошел. И вновь оказался на перепутье...

Был у нас на биофаке балкончик, где курили. И однажды я там встретил Валентину Ивановну Шереметьеву, она из парткома, я с ней давно был

Сухумский питомник. 1989 г. Сухум

Ленинградский зоопарк. 1990 г. Ленинград

знаком. Оказалось, она теперь в антропологии. Валя курила, подходит ко мне и говорит: «О, Сережа! Я тебя помню. Ну, что – нашел, куда пойти?» И когда я ответил, что не нашел, она мне говорит: «Давай к нам в антропологию». А я спросил: «А что там?» А она говорит: «Вот, у нас никакого конкурса нет, никто не пришел». Я тогда не знал, хочу ли я или нет.

Она говорит, что там человеком занимаются, что это антропогенез. Я первый раз услышал такое слово и подумал, что надо его запомнить.

В конце концов, я пошел к секретарю факультета (Вера Зельмановна Юровская). Никто больше не пришел. Кроме того, у них была проблема, что молоденьких студентов первого курса брали в армию. И вот, она спрашивает меня, чем я хочу заниматься. И я сразу отвечаю – антропогенезом. Она обрадовалась и говорит мне: «Вот, зав кафедры сидит в кабинете, посмотрит на тебя и примет решение, взять тебя или нет».

Я подошел к заведующему кафедры, Чтецову (его уже нет) сижу я перед ним скромненько и он мне говорит: «Ну, что... чем хочешь заниматься?» И я опять отвечаю: «Антропогенезом!» Слово – то я выучил... а он начал копать: «Что вы на эту тему читали?» А я ничего не читал, никого не знал, а у меня – раз, как голова сработала... и ему говорю: «вы знаете, я недавно прочитал про снежного человека в журнале вокруг света. Очень интересно!» Смотрю на Чтецова, он расхохотался, а Вера Зельмановна сидит, красная такая...

Чтецов смотрит на нее и спрашивает: «Ну, что... он в армии был?» «Был». «Тогда мы тебя возьмем» - он мне говорит. И так я попал в антропологию. (1984-1989)

Первые три курса я хотел перевестись оттуда, мне не нравилось учиться. У меня был друг, работал с физиологией животных и человека. Мы хотели уйти в медицинский, потому что на кафедре не было ощущения биологического образования. Было много курсов: археология, этнография, а по антропологии курсов не было. Но нас на медфак не взяли. В общем, остались. Но у меня на биофаке была Вера Зельмановна, которая для меня была второй мамой. Она меня опекала. Я ее уважал очень сильно...

В конце концов, я спросил: а есть у вас что-то про животных? А у нас как-раз на кафедре появилась одна сотрудница с кафедры зоологии. Она занималась конкретными животными, а именно приматами. Оказалось, что у нас никто обезьянами не занимался. Вот, тогда я сильно обрадовался и пошел к ней – Маргарита Александровна Дерягина. И диплом свой написал про обезьян, по системе верbalной коммуникации приматов. Диплом ей понравился... а потом у нас на кафедре появились первые приматологи: Бутовская Марина Львовна и наша Оленька Григорьева.

В 1989 году, когда я получил диплом, я еще не занимался черепами, костями. Все это было очень далеко.

После окончания вуза было обязательное распределение. Я сначала хотел попасть к Валерию Павловичу Алексееву, он набирал аспирантов-антропологов, планировались командировки в Сирию. Но с этим вариантом не сложилось.

Тогда Дерягина посоветовала мне устроиться в мединститут на кафедру психиатрии в Симферополе. По распределению я был обязан три года там работать. Я поехал в Крым, жил у врачей на квартире, мотался по психбольницам, занимался вербальной коммуникацией больных людей. Составлял методички, делал диагностику психически нездоровых людей...

Все это происходило, когда Союз развалился. Я отработал год, а там все врачи-психиатры сами замученные, пили много, да и я как-то вместе с ними. Слава богу, Вера Зельмановна понимает, что мне там тяжело. Я просился обратно в Москву на стажировку на кафедру. И вот, через некоторое время она мне сообщила, что можно в аспирантуру поступить, есть место. Единственное, мне надо было сдавать экзамены, хотя бы на тройку. Это была целевая аспирантура. Я сразу согласился.

Сдал экзамены. С английским были проблемы – я был по нолям, но старая преподавательница мне говорит: «ну, что: скажи, что ты доктор». Я говорю: «i am doctor». Поставила мне тройку. Так я и поступил. Год был в целевой аспирантуре, а когда Советского Союза не стало, я перешел в обычную аспирантуру, так как Крым стал другой страной, и мне уже не нужно было туда возвращаться.

Аспирантуру закончил в 1992 году. Диссертация была готова: я сделал шикарную работу о коммуникации приматов и происхождении речи. (Может быть, я издам книгу по материалам своей диссертации).

Правда, с научным руководителем, с Маргаритой Александровной Дерягиной, у нас были размолвки. И получилось так, что я закончил аспирантуру, а у меня нет научного руководителя. Сначала был руководитель, потом отказался. Диссертацию я защищал без руководителя.

Спустя время мы с Дерягиной помирились.

Но нужно было искать работу. Хотя я был женат с 1990 года, и моя супруга работала, но зарплаты тогда были очень маленькие, и я непременно должен был найти источник дохода. Я поговорил с Чтецовым, который тогда был зав. кафедры и директор института. Однако там меня отказались принимать в штат со словами «ты с женщинами не уживаешься». И я остался без работы.

Но я продолжал активные поиски. Первым я нашел нашего Звягина Виктора Николаевича (судмедэксперт). Оказалось, что работы с костями или черепами у него нет, однако требуются знания в области молекулярной генетики для определения отцовства. Я решил попробовать.

Тогда был конец 1992 года, и многие специалисты института молекулярной генетики, едва лишь открылись границы, мигрировали за рубеж. Получилось, что институт был почти пустой. Какая-то лаборантка мне показывает и рассказывает суть моей работы. «Но в принципе – она говорит – никто ничего не делает. Как напишешь (по поводу отцовства) так и будет». Я все посмотрел, пообедал с ней в столовой и подумал: «не надо мне всего этого, я не хочу с этим связываться». Позвонил Звягину и отказался.

Время шло, был почти новый год, а я все никак не устроюсь на работу. И вдруг мне звонит Спицын Виктор Алексеевич и приглашает меня к нему в организацию. Правда, надо было ждать до конца марта: там один из сотрудников переезжал за границу. Спицын дал бы мне сразу ставку научного сотрудника. Я согласился, тем более, что на март у меня была уже назначена защита кандидатской. Оставался вопрос, что я не пробирочный человек. Я полевой. Поэтому начал об этом много думать.

Но до весны еще ждать и ждать, а я нигде не работаю! И тут моя супруга, Боруцкая С.Б., Сказала мне, чтобы я продолжал искать работу, посоветовала позвонить Халдеевой Н.И. Она занималась зубами. Наталия Ивановна обещала поговорить с Александром Александровичем Зубовым, сходить в дирекцию. Всё сошлось: оказалось, что одна сотрудница ушла в декрет, и меня взяли на год на декретную ставку. Я согласился, хорошо познакомился и подружился с А.А. И с февраля начал у них работать.

Через месяц все собирались в кабинете Алексеева отмечать 8 марта. Было много коллег из разных отделов, в том числе и Спицын. Я помогаю стоять накрывать и вот, Виктор Алексеевич меня спрашивает, буду ли я работать у него, как мы до этого договаривались. Пришлось сказать ему, что не буду. Уж очень мне не хотелось пробирками заниматься. Спицын на меня обиделся и 2 года со мной не разговаривал. Потом помирились...

Теперь я работал в отделе А.А. Зубова. Обезьянами я уже занимался. Мне было интересно заниматься антропогенезом, и он предложил сразу написать докторскую.

Как раз в марте 1993 года я защитил кандидатскую и начал себе сочинять краинометрическую систему углов для применения в эволюционных исследованиях. А.А. стало тоже интересно. К тому моменту декретная ставка уже была занята, и я перешел на место Золотаревой, вышедшей на пенсию.

В том же году я поступал в аспирантуру, но не прошел, и поступил в следующем. Я был единственным аспирантом-антропологом.

К 1998 году я сделал докторскую. А.А. был в восторге. Но я хотел защититься как доктор биологических наук, а наш Институт мог присвоить только степень доктора исторических наук. Спустя год я понял для себя, что буду защищаться в ИЭА РАН, и формулировка «исторических наук» мне нравится.

Наконец была защита – блестящая. У меня было три оппонента – Дерябин В.Е., Спицын В.А. и Яблонский Л.Т. Потом пришел Урысон М.И. Всем диссертация понравилась и я защитился в 1999 году в марте.

Дальше стал заниматься антропологией, стало интересно. Сразу я попал в разные советы. Зубов собирался на пенсию и предложил передать мне управление отделом. Думал, что я к этому готов. Мне тогда было 39. И тут начались интриги.... Кто-то из коллег одобрил мою кандидатуру, некоторые были против. Директор института, В.А. Тишков, одобрил. Сначала я был исполняющим обязанностей, а через год должны были меня утвердить. Были те, кто всячески этому противился. Но во время ученого совета меня выбрали практически единогласно.

Меня утвердили и 21 год я во главе Центра. И стал больше заниматься палеоантропологией. Чем больше я занимался, тем меньше я стал понимать, что они делают. И сейчас есть многие палеоантропологии, которые не соображают, что делают. Они типажисты: делать по типам. Но это полная ерунда: нет этого всего, расы насочиняли, первого, пятого-десятого порядка, это все не наука, а фантазия ума.

Интриги были всегда, но в центре у нас получилось так, что было некоторое непонимание с Балуевой Т.С. Какой-то период времени, но потом стали нормально сотрудничать. Но в основном, конфликтов не было

У нас сохранялась дружественная атмосфера довольно долго. Иногда появлялись люди, которые предавали, но они уходили, и возвращалась нормальная обстановка. Но никогда не бывает, чтобы все было идеально, как в любой семье.

Если говорить, о совей работе: я могу сказать твердо, что много сделал. У меня есть 300 публикаций и около 30 монографий. Конечно, не это главное. Главное, что хочется делать еще больше. Я последние полгода

Луксор (Египет) 2011 г.

переоценил себя немного и надеюсь, что у меня будет еще хотя бы 10 лет, и мне хочется сделать еще очень много: разные серии в антропологии (Кашин, Нижний Новгород, Тверь, Тамбов, Липецк...) я бы с удовольствием по 3-4 книжки в год сделал (лишь бы деньги давали на издания).

У меня есть три четких направления в антропологии, которые я очень люблю и развиваю. Меня не устраивает, например, что одонтологи – только одонтологи. Это, во-первых очень узко. Во-вторых, они думают, что нам дают какую-то информацию, а на самом деле, там информации – мизер. Особенно, когда черепа отсутствуют. Так первое направление которое я хотел бы развивать это – делать комплексный анализ (краинология, остеология, одонтология, демография, патология, генетика). И немножко археологии. Тогда получится завершенный анализ и настоящая книжка.

Второе направление, над которым я уже работаю 5 лет и буду продолжать это – экология, а именно адаптация, адаптационный тип человека. Изучение пропорций, которые разные бывают в зависимости от экологических условий. Интересно изучение изотопного типа и питания, а также погоды. В каком климате жили люди. Опять – комплексный анализ, который дает нам целостную картину.

Третье направление – это патологии. Сейчас есть многие специалисты по патологиям. Но мое мнение, что они не специалисты, они не медики. Патологиями надо заниматься с медиками. Поэтому я дружу с патологоанатомами. У меня есть хорошие совместные статьи с медиками: по позвоночнику, по туберкулезу позвоночника.

Если кратко – будущее антропологии не в узкой специализации, а в комплексном подходе.

О. Суматра (Индонезия) 2012 г.

Сиань (Китай). 2014 г.

Мьянма (Бирма) 2017 г.

Липецкая обл. Экспедиция Ксизово 6. 2014 г.

Мьянма (Бирма) 2017 г.

Эль-Файюм (Египет) 2010 г.

A REAL BIOLOGIST - VASILIEV S.V.
S. Zini¹, E.A. Prosikova¹, N.V. Khokhlov¹

¹ – Institute of Ethnology and Anthropology RAS

FROM THE EDITOR

The anniversary issue of the Russian Journal of Physical Anthropology is dedicated to the 80th anniversary of the Center for Physical Anthropology of the IEA RAS. We decided to open the issue with an interview of Sergey Vladimirovich Vasiliev, editor-in-chief of the journal and head of the Center. In his frank story, the doctor of historical sciences and candidate of biological sciences will tell the reader about his path to anthropology and about the history of the department, which he had the chance to witness.

KEY WORDS:

physical anthropology, Center for Physical Anthropology, IEA RAS, S.V. Vasiliev, Faculty of Biology, Moscow State University

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дзини Стефания (Zini Stefania), к.и.н.

Центр физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН

Адрес: 119991, Москва, Ленинский пр., д. 32А.3

Тел: +7 (915) 133-10-68

E-mail: stefania.zini@iea.ras.ru

Просикова Екатерина Андреевна (Prosikova Ekaterina Andreevna), к.и.н.

Центр физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН

Адрес: 119991, Москва, Ленинский пр., д. 32А.3

Тел: +7 (985) 282-47-87

E-mail: prosikova@iea.ras.ru

Хохлов Никита Викторович (Khokhlov Nikita Viktorovich)

Центр визуальной антропологии Института этнологии и антропологии РАН

Адрес: 119991, Москва, Ленинский пр., д. 32А.3

Тел: +7 (985) 704-95-99

E-mail: ethno@yandex.ru